

УДК 811.161.1(038)
ББК 81. 2Р-7
С 797

С 797 **Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Е.А. Баженовой; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2008. – Вып. 12. – 236с.**

ISBN 978-5-7944-1142-3

Межвузовский тематический сборник посвящен актуальной проблеме стереотипного и творческого компонентов в функциональных стилях речи, а также типах текста, обусловленных экстралингвистической основой целых произведений. Эта проблема недостаточно разработана как в функциональной стилистике, так и в смежных с ней дисциплинах – когнитивной лингвистике, стилистике текста, прагматике текста, терминоведении, теории перевода и др.

Сборник окажется полезным для филологов, интересующихся проблемами функциональной стилистики, коммуникативной лингвистики, лингвистики текста, когнитивной лингвистики, теории и практики перевода, а также для учителей-словесников.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Пермского государственного университета

Рецензент: кафедра общего и славянского языкознания Пермского государственного педагогического университета

Редакционная коллегия

Е.А. Баженова – главный редактор, Н.В. Данилевская, Т.Б. Карпова, М.П. Которова

УДК 811.161.1(038)
ББК 81. 2Р-7

ISBN 978-5-7944-1142-3

© Пермский государственный университет, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблема стереотипности и творчества в тексте, давшая жизнь ежегоднику Пермской стилистической школы, в его двенадцатом выпуске объединила ученых из Москвы и Петербурга, Перми и Екатеринбурга, Ставрополя и Ростова-на-Дону, Томска и Омска, а также представителей болгарской лингвистики.

Год от года расширяется не только географическое пространство сборника, свидетельствующее о жизнеспособности и плодотворности самой темы, но и его содержательное пространство, расширяющееся за счет осмысления новых экстралингвистических – социальных, культурных, политических, экономических и др. – факторов, прямо или опосредованно влияющих на процесс текстообразования. Все статьи сборника характеризует интерпретация речевого произведения в его обусловленности многообразием экстралингвистического окружения, тем, по выражению Ю.М.Лотмана, «обволакивающим» текст внесистемным материалом, который, с одной стороны, обеспечивает тексту качественный (смысловой) прирост, с другой – дает возможность творческого использования языка.

В первом разделе выпуска представлены исследования общего характера. Так, статьи Е.В.Белоглазовой и Г.И.Манасенко посвящены осмыслению современной парадигмы лингвистической науки, переживающей этап интеграции знания о тексте как феномене коммуникации. Коммуникативный аспект отдельных языковых единиц, функционирующих в текстах различной стилистической принадлежности, находится в центре внимания Е.Н.Клемёновой и Т.В.Вяничевой. Несомненный отклик у читателя вызовет размышление М.П.Которовой о толерантности современной стилистики и ее ориентированности на решение прикладных задач редактирования и перевода. Актуальнейшая для переводоведения проблема стереотипности и творчества, сохранения смысловой и эстетической ценности переводимого текста стала предметом глубокого и разностороннего анализа в статьях Н.К.Рябцевой, Л.В.Кушнина и С.С.Назмудиновой, Н.В.Шутёмовой. Свообразной иллюстрацией теоретических положений этих статей служит представленный в заключительной части сборника перевод с древнееврейского языка библейских стихов «Плач пророка Иеремии», сделанный исследователем истории культуры Е.М.Сморгуновой.

Второй раздел выпуска знакомит читателя с работами, посвященными исследованию научного и художественного текста. В частности, В.Е.Чернявская продолжает изучение проблемы общественной оценки научного открытия, поднятой в предыдущих выпусках «Стереотипности и творчества», и анализирует здесь явление истолерантности научного сообщества к новым идеям; Л.С.Тихомирова рассматривает роль критичности мышления ученого в уплот-

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Баранов А.Н., Паршин П.Б., 1986, *Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание*, Роль языка в средствах массовой информации. Москва.
- Бахтин М.М., 1979, *Проблема речевых жанров*, Эстетика словесного творчества. Москва.
- Борисова Е.Г., Пирогова Ю.К., Левит В.Э., 1999, *Имплитная информация в рекламе и пропаганде*, Имплитность в языке и речи. Москва.
- Грайс Г.П., 1985, *Логика и речевое общение*, Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Москва.
- Доценко Е.Л., 2000, *Психология манипуляции*. Москва.
- Кара-Мурза С.Г., 2003, *Манипуляция сознанием*. Москва.
- Лакофф Дж., Джонсон М., 2004, *Метафоры, которыми мы живем*. Москва.
- Чернянская В.Е., 2006, *Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия*. Москва.
- Bolinger D., 1980, *Language – The Loaded Weapon: The Use and Abus of Language Today*. London; New York.
- Langacker R.W., 1988, *A view of linguistic semantics*, Topics in Cognitive Linguistics. Amsterdam; Philadelphia.

The paper deals with names of job positions drawn from the "Situations vacant" part of newspaper classifieds. New tendencies in naming are identified, aimed at creating attractive images of the vacancies. Underlying logical operations and linguistic techniques are discussed.

Т.И.Краснова
Санкт-Петербург

КВАНТОРНОЕ СЛОВО В ЭМИГРАНТСКИХ ГАЗЕТАХ ЭПОХИ КРИЗИСА («ОБЩЕЕ ДЕЛО»: ПАРИЖ, 1918-1919; «НАРОДНАЯ ГАЗЕТА»: НЬЮ-ЙОРК, 1919)

Предметом наблюдений являются слова *все* и *всё* с их количественной семантикой и особыми функциями в эмигрантском газетном дискурсе антибольшевистской направленности. Идея всеобщности, заключенная в семантике таких кванторных слов, актуализировалась в эпоху войн и революций начала XX века. Она показательна для разных типов эмигрантских газет (далее – ЭГ) того времени – антибольшевистских, пробольшевистских и даже коммерческих (периода 1-й мировой войны). Впрочем, частота и стереотипность употребления количественных определителей *все*, *всё*, *вся*, *весь* очевидна именно для пропагандистского политического дискурса, представленного в разных источниках не только документами¹, листовками, газетными публикациями, воспоминаниями, но и художественным текстом. Читателю знакомы стихотворные строчки В.Маяковского, в которых запечатлелись лозунговые формулы декретов по схеме «что – кому» и стереотипы адресации²:

... а утром:
– **Всем!**
Всем!
Всем! это –
фронтом,
 кровью пьяным.
рабам
 всякого рода,
в рабство
 богатым отданным. –
Власть Советам!
Земля крестьянам!
Мир народам!..

Идея всеобщности связана с идеей множественности (разделительной или собирательной). В языке идея всеобщности выражается кванторными словами (*все*, *каждый*, *всякий*, *любой*) или косвенно, наряду с другими значениями слова (*всяческий* 'самый разнообразный, всевозможный'). К тому же всеобщность может выражаться «нулевым» показателем, т.е. контекстом предложения: имя в единственном числе становится общим именем (*Человек смертен; В равнобедренном треугольнике углы равны*) (Падучева 1989).

Прямой, формально выраженный показатель демонстрирует актуальность идеи всеобщности в текстах, что мы и наблюдаем в ЭГ. «Мир может дать только правительство, призванное *всей страной*. Крестьяне, юг, казачество соглашения с большевиками не признают» («Народная газета». Далее – НГ). При этом актуальным может быть ограничитель всеобщности. Таким ограничителем

выступает оборот с предложным квантором *кроме*. Ср.: *Свобода сходок уничтожена. Право голоса отнято у всех, кроме как у фабричных и беднейших служащих* («Общее дело». Далее – ОД). Ограничитель всеобщности может быть семантическим, т.е. выражаться описательно, например частным оборотом: *Большевистская тайная полиция собирает сведения в всех рабочих, голодовавших против большевиков. Таких преследуют как контрреволюционеров* (ОД).

В интенсивном оценочном контексте формальный показатель всеобщности нередко инициирует потенциальный смысл множественности в именной группе с формальной единичностью. Например: *На первом плане в политической жизни всех стран появилась темная улица с дикими взглядами, с дикими инстинктами, с дикими требованиями. Она появилась во Франции, Англии, Италии и Америке. Это было общемировым несчастьем* (ОД). Значение множественности поддерживается перечислительным рядом географических наименований и общей оценкой тождественной совокупности: *общемировое несчастье*.

Прежде чем перейти к предмету описания, мы должны объяснить материал и направление исследования.

В эмигрантских газетах эпохи кризиса мы встречаемся с внутренне аффективным дискурсом, который был порожден страстями социального и субъективного свойства. При анализе дискурса ЭГ мы имеем дело с речевой категорией интенсивности, предполагающей количественную меру оценки, меру экспрессивности и меру экспликативности (Энциклопедический... 2005: 140-142). Страсти побуждают говорящих прибегать к преувеличениям и преуменьшениям. Как известно, лексикон количественных значений легко метафоризируется, на его основе создаются риторические приемы – гиперболы, литота, эмфазы (Арутюнова 2005: 20). Термин *страсть* мы понимаем в русле категорий *Семиотики*, согласно которой страсти появляются в дискурсе как своеобразные носители смысла. «Описать эффекты смысла как «запах» семионарративных устройств в дискурсе – значит признать, что страсти присущи не только субъектам (субъекту), но дискурсу в целом, и они исходят из дискурсивных структур как эффект «семиотического стиля», который может просираваться или на субъекты, или на объекты, или на их соединение между собой» (Греймас, Фонтанний 2007: 32). Ненависть, чувство сильнейшей вражды, неприязни к большевизму и одновременно одержимость идеями спасения России определяли духовное существование значительной части эмиграции в Европе (в меньшей степени в Америке).

Толковый словарь определяет страсть как «сильное чувство, с трудом управляемое рассудком» или «отдачу всех своих душевных сил какому-л. делу». В эмигрантских газетах антибольшевистского направления (далее – ЭГ_{антиб}) «страстного» публицистического стиля выступлений придерживались особенно долго, благодаря чему закрепились стереотипы аффективного изложения, переходящие в подчеркнутую, порой искусственную аффектацию³. В 1918-1919 гг. такой «семиотический стиль» изложения был порожден сильнейшим

накалом борьбы за власть в России, гражданской войной и соперничеством русских политических группировок в стране и за ее пределами.

В *Семиотике* охваченный страстью субъект рассматривается как субъект, модализованный согласно своему «бытию», т.е. понимается как субъект состояния, даже если он совершает определенные действия. «Состояние – это, прежде всего, «состояние вещей» в трансформируемом субъектном мире, но это также и «состояние души» компетентного субъекта, готовящегося к действию, и сама модальная компетенция, подвергающаяся различным трансформациям. Под видом этих двух концепций «состояния» возникает известный дуализм «субъект / мир». Указанному дуализму позволяет противостоять лишь гипотеза об однородности семиотического существования, ставшего возможным при посредстве «чувствующего тела»: благодаря вышеописанному превращению, мир как «состояние вещей» сводится к «состоянию субъекта», т.е. заново интегрируется во внутреннее однородное пространство последнего» (Греймас, Фонтанний 2007: 25).

В ЭГ_{антиб} состояние и умонастроение коллективного идеологического субъекта газеты (далее – ИС) выражается разоблачительным *модусом обвинения* и целесообразным *модусом желания*⁴. Повторяемость, длительность, интенсивность придают модальной компетенции и компетенции речевого поведения ИС колорит страсти. Если учесть, что «любая конфигурация страсти интерсубъективна» и включает в себя, по меньшей мере, двух субъектов (в нашем случае большевиков и антибольшевиков), то станет понятно, какого наслесения страстей и оценок следует ожидать от антибольшевистского дискурса. В публикациях ЭГ_{антиб} интенсивно передавалась страсть большевиков к завоеванию власти, которая выражалась в беспощадном подавлении сопротивления (террор). И в то же время дискурсивно запечатлелась страсть антибольшевиков – их одержимость в борьбе с врагом и способность полностью отдаваться идее подготовки общего похода против узурпаторов власти.

Перейдем к описанию кванторов всеобщности в ЭГ_{антиб}, где ведущая роль принадлежит слову *все*. Функциональная мощь этого квантора заключается не только в заметной частотности его в дискурсе ЭГ, но также и в языковой распространенности вообще: *все* может выражать всеобщность практически во всех контекстах (Падучева 1989: 16).

Полагаем, что в ЭГ_{антиб} квантор *все*, с функциональной точки зрения, занимает место между условными контрапунктами – *референцией* (предметно-отождествительный план содержания) и *оценкой* (подчеркнутая аффективность смыслового акцентирования). В основе описания лежит нарративная модель анализа. Мы рассматриваем кванторное слово, придерживаясь опорных точек пропозициональной структуры предложения. На уровне дискурса анализ требует обязательного учета конституции (обрастает экстралингвистическими сведениями). Внутрифразовый анализ позволяет обойтись без лишних подробностей такого рода. Особое внимание уделяется наименованиям с концептом «лицо». Категория субъекта как центральная категория современной прагматики имеет в дискурсе неоднородное выражение. В составе пресуппозиции (коммуникативная структура) главным лицом, порождающим высказывание, выступает

субъект речи в образе коллективного идеологического субъекта газеты (даже если это индивидуальный тип образа автора). В составе пропозиции (нарративная структура) персонажи, в том числе субъекты знания или мнения, выступают в образе противника, союзника ИС или в образе неопределенного сомневающегося субъекта.

Мера определенности слова *все* в ЭГ

Определенность квантора *все* в составе сложных дескрипций зависит от значения переменных. *Все* сочетается как с конкретными именами исчисляемых референтов, так и с отвлеченными наименованиями объектов неисчисляемых.

Референция слова *все* проявляется в связях с именами предметно-отождествительной семантики. Но идея общего в кванторе *все* нивелирует предметный уровень референции сглаживанием разделительной множественности до совокупности. Ср.: *Все штыки, все пушки и пулеметы, все броневики и бронированные поезда великой и могущественной некогда русской армии он, Вильгельм, повернул на русских же!* (НГ).

1. Сочетания *все* с конкретными именами исчисляемых референтов наблюдаются в высказываниях информационного типа: «<...> в коммерческом училище во всех учебных классах, во время занятий, был произведен обыск». И все же в информационном дискурсе ЭГ квантор *все* тяготеет к оценочности и нередко выступает в составе метафоры-обобщения, а конкретные имена-референты подтверждают оценку: «В городе возродились все прелести большевизма: налеты, аресты, обыски».

Общее положение дел связывается ИС газеты с нарушением большевиками принципов демократии. И хотя усилитель *все* сочетается с именами конкретной семантики (*газеты, декреты; фабрики, заводы; политические партии, правительства, совдеды; жандармы, грабежи, разбои* и т.п.), по смыслу интенсификатор тяготеет к сказуемому. Причина кроется в пропозициональном господстве сказуемого как смыслового ядра высказывания. В модусе обвинения предикаты с семантикой антинормы и неприятия составляют денотативный центр сообщения, отражая такие несоответствия социального характера, как 'отклонение от установленных принципов общественной жизни', 'нарушение социальных норм', 'прекращение существования', 'гибель' и др. (*убивать, запретить, разрушить, дезорганизовать* что-либо, *уражать* чем-либо, *затмить жестокостью, довести до вырождения* и пр.). Ср.: *Таких гнусностей и таких преступлений большевики совершали в России много. Они убивают и расстреливают всех, кто стоит у них на пути, — и правых, и левых, социалистов и монархистов...* (ОД). Ср. также высказывание крайней степени обобщения в отрицании большевизма, характерное для рассуждения: *Своей жестокостью они затмили всех когда-либо существовавших русских жандармов и палачей, рекой пролили народную кровь, чумой и холерой прошли из края в край по всей стране и довели ее до вырождения* (ОД).

В качестве общего усилителя пропозиции (и актантов, и предиката) *все* имеет отношение к смысловым противопоставлениям в дискурсе обвинения:

Хотя большевики сами когда-то пламенно отстаивали свободу печати, они, став у власти, запретили все несочувствующие им газеты. Большие всего при этом пострадала социалистическая печать (ОД); *Движение, называющее себя пролетарским, по преимуществу разрушило, прежде всего, рабочий класс. Все фабрики и заводы, за исключением немногих, работающих еще на оборону, прекратили свою деятельность* (НГ); *Коммунизм осуществляется в виде хищений, системы заложничества и многочисленных казней. Все декреты объявляются под угрозой смертной казни* (ОД).

Убеждающий пафос пропаганды запланирован в разоблачающих публикациях о событиях в России. Квантор *все*, в этом случае, усиливает идею всеобщей подверженности населения расправам со стороны большевиков. В речи о жертвах большевизма определенность отождествления обеспечивается референцией — компонентами атрибута *все* с предметным значением, а также благодаря пропозициональному значению высказываний, которое соотносится с фактами, событиями, ситуациями (Падучева 2001: 10). На восприятие читателем сообщаемого влияет внешний, внутренний контекст и стиль изложения (информационный или художественно-публицистический).

В составе информационного сообщения квантор *все* редко стоит рядом с именем агенса ненормативного действия, чаще сливаясь с пассивом, жертвой события: *По закрытии митинга все выступавшие против советского правительства были арестованы* (Варш. Речь); *Нам доставлено воззвание: «Ко всем рабочим, ко всем русским гражданам!».* После обыска, — говорится в воззвании, — *всех нас 58 человек, а в том числе 50 рабочих, представителей московского, петроградского, тульского пролетариата, повезли на автомобилях на Лубянку в чрезвычайную комиссию Дзержинского* (ОД); *Все жители Петрограда представляют собою обреченных на смерть* (ОД). Заметим, в последнем случае нет преувеличения: угрозой жизни в 1919 году был длительный голод в Петрограде.

В составе художественно-публицистических жанров отождествительные признаки слова *все* выявляются в режиме образного описания: «И заканчивает М.Г. статью таким приветом: *Всем, кто чувствует себя одиноко среди бури событий, чье сердце точат злые сомнения, чей дух подавлен тяжелой скорбью — душевный привет! И душевный привет всем безвинно заключенным в тюрьмах* (НГ).

2. Квантор *все* с отвлеченными неисчисляемыми именами наблюдается особенно часто в составе речевых форм комментария, рассуждения. Отвлеченные имена входят в состав фразеологического сказуемого, в переносном значении которого слово *все* указывает на высшую степень проявления признака или состояния: *раскрыть все карты, покончить со всеми пережитками, выносить все тяготы борьбы, принять все меры, отдать все силы* и т.п.

Как известно, сигнификация и денотация отвлеченных (абстрактных) тем совпадают. Аффективность высказываний способствует параллельному сочетанию квантора общности как с конкретными, так и с отвлеченными именами объектов пропозиции. Ср.: *Свобода печати завоевана всем народом и для всего народа. И печатники, требуя от всех пролетариев и граждан поддержки в*

борьбе за свободу печати, защищают не свой узкий профессиональный интерес, а право всей демократии (НП); Затем для того, чтобы страна могла покончить со всеми пережитками старого строя и воплотить в жизнь все демократические завоевания, вне которых нет спасения России, Колчак должен идти навстречу образованию всех местных демократических организаций, где бы и как бы это только оказалось возможным (ОД).

Неопределенность квантора *все* связана с его самостоятельным употреблением в качестве существительного и с выражением концепта «лицо». Тогда референт идентифицируется по контексту, но не всегда полностью (как известно, референция имеет место не для слов и выражений языка, а только для их употреблений в речи). Приведем пример:

Поступок части французских союзников по социал-демократической партии, поддержавших в Лозанне большевиков, привела их в стан врагов газеты «Общее дело». ИС газеты дает отпор их обвинениям, с гневом принимая вызов нападавших: *В своей резолюции они говорят о русских контрреволюционерах в Париже. Мы принимаем этот вызов на свой счет и дадим всем какие угодно ответы.*

Как видно, местоимение *все* включает неопределенную множественность. Смысл этого неточно сформулированного высказывания в том, что ИС не затрудит ответы на любые вопросы от кого бы то ни было (ответят всякому). Такое высказывание – знак для читателя, знак уверенности ИС в своих оценках и убеждениях в противоположность им (политическим предателям).

В косвенном обращении к тем, кто сомневался в чистоте целей русской социал-демократии за рубежом, пародируется ситуация непонимания как неулышания многократно повторяемого. Отсюда адресация к «глухим»: *Пусть же все, у кого есть уши, запомнят то, что мы сотни раз говорили раньше и о чем напоминаем всем от имени исторической России: Мы боремся за единую Россию, и мы против ее крамсы.* Комическая определенность обращения *все, у кого есть уши* сочетается с буквально выраженной неопределенной широтой адресата. Ироническая трактовка подразумевает обратный смысл: есть и такие, у кого нет ушей.

Неопределенное множество *все, всем или всякому* встречается в контекстах, где обсуждается вопрос о понимании-непонимании происходящего. Альтернатива «кто-то не понимает – все поймут» связывается с модусом надежды, а возникает на общем фоне разоблачительного антибольшевистского пафоса контекстов с оппозицией МЫ/ОНИ. Неопределенному субъекту соответствует предикат незнания. В то же время факт знания очевиден, когда субъект *все* близок к субъекту безличного предложения (формальное *все* можно исключить): *Предательство Ленина ни для кого не было неожиданностью, и оно подготовилось не тайно. О нем все знали. Много о нем говорили и писали* (ОД). Очевидно, квантор *все* можно было заменить определителем *многие*. Ср.: *Теперь все [многие. – Т.К.] начинают себя спрашивать: - да как же могли восторгаться большевики?* (ОД). Следовательно, идея всеобщности риторическая, слово *все* использовано как усилитель. После его изъятия экспрессивность ска-

занного уменьшается. Прием усиления в таком случае близок к преувеличению. Сказанное не может быть полной правдой в действительности (*все знали / все начинают себя спрашивать*). Ср. также: *<...> и эта аморальность, этот бандитизм большевиков только теперь начинают быть понятным для всех* (ОД); *Эта проповедь дала свои плоды, а кому они пошли на пользу, – теперь всякому [всем. – Т.К.] известно. Ни в какой войне Россия не могла потерять столько, сколько она потеряла от большевистского мира* (ОД).

Процессуальным предикатам достижения знания *начинают себя спрашивать, начинают быть понятной* сопутствуют утверждения в модусе надежды и необходимости. Ср.: *Те, кто спасались от большевиков, терпеливо, зачастую среди страшных лишений, ждут дня светлого пробуждения всей России, когда заблудшие поймут, кто их настоящих, подлый враг. Или: Мы надеемся, что угар, охвативший народные массы после войны, пройдет, и тогда все поймут, каким позором эти предатели покрыли социализм* (ОД); [проводить. – Т.К.] *хорошую, честную, дальновидную политику, которая ясно говорила бы всем, что не может быть и речи ни о каком примирении с большевизмом и не должно быть оказано ни прямой, ни косвенной поддержки тем, кто, так или иначе, оказывал поддержку большевикам* (ОД).

Квантификативный показатель и концепт «лицо»

Все слово в семантическом ряду «идеологические противники». Модус обвинения. В ЭГ_{вс} «Общее дело» модус обвинения имеет адресный характер. Кванторное слово и сочетание слов *все, все они, все их единомышленники* относятся к именам собственным. В предикате они сопровождаются ярлыками «преступники», «враги России», «предатели» и т.п. Использование таких наименований в контексте мотивировано, и выступают они как вторичные отождествительные имена референтов. В конечном счете такие имена становятся идеологическими индексами (постоянными указателями) лиц противников на общем фоне разоблачительных публикаций антибольшевистского толка. Ср.: *Как в союзных странах отнесутся к грядущим событиям около Петрограда Лонга и Каиза и все их единомышленники – мы заранее знаем. Они и тогда останутся врагами России, какими были до сих пор* (ОД). (разрядка наша. – Т.К.).

В оценочно-отождествительных актах обвинения в газете «Общее дело» нет риторической огульности, неразборчивости. Обобщение сопровождается ограничительным условием, а обвинение – мотивом оправдания: *Большинство Совета Республики в лице Мартова, Дана, Леминского, всех с.-д-тов, левых с.-р. и т.д., кроме кадетов, кооператоров, казаков и некоторых примыкающих к ним членов части левых партий, – преступники по отношению к России, для которых может быть только одно оправдание, – что они не ведают того, что творят, и являются невольными выразителями воли Вильгельма II* (ОД).

Сочетания с квантором *все* возникают в модусе обвинения как усилители идеи общей ответственности за преступления большевиков. ИС настаивает на полной степени идентификации идеологического врага с агентом преступления. Отождествление большевиков с преступниками мотивируется (*Большевики сде-*

дали столько преступлений и такие преступления <...>) и затем категорически связывается с идеей наказания. Педалируется устрашающая противника идея всеобщего наказания. С этой целью определитель все сочетается с вводно-модальными словами: *все без исключения; безусловно все они* (пунктуация оригинальная. – Т.К.): *Большевики сделали столько преступлений и такие преступления, что безусловно все те из них, кто так или иначе принимал ответственное участие в этих преступлениях, должны будут нести лично ответственность, и безусловно все они должны быть преданы суду* (ОД).

Таким образом, выявляется описательный вариант совокупного отождествления с указательными сочетаниями *все те, кто; все те из них, кто; все, кто; все эти*. Парадоксально, что ограничительный смысл со значением условия в этом случае выражает расширительную трактовку обвинения: ИС_{актис} жестко настаивает на ответственности попутчиков большевизма. Градационный ряд степеней участия в преступлениях большевизма охватывается всеобщей полной ответственности. Ср.: *Все те, кто не боролся и не борется с большевиками как с преступниками и, так или иначе, поддерживает их, тот сам виновен в их преступлениях* (ОД); *И такую же роль невольных «предателей родины» играли и продолжают играть все, кто бежал и бежит теперь за ковчежницей большевистского Цезаря и по глупости или по иным качествам торжествует* (НГ).

Как видно из контекстов обвинения, идеологическая индексация противника как преступника осуществляется двумя путями: 1) открытым введением политических ярлыков с семантикой 'субъект преступного действия'; 2) косвенным путем, с помощью предикатов с семантикой 'совершать преступление', 'отвечать за свои преступления'. Например: *В советской России, в так называемой Совдепии, власть все еще находится в руках Ленина, Троцкого, Зиновьева, Нахамкеса, Раковского, Петтерса, Дзержинского и К°. Все эти господа слоньи – откровенные политические циники, сознательные предатели родины, немецкие агенты, тюремщики, грабители, палачи и убийцы. Своё дело они делают сознательно, с открытыми глазами. Всё, что за последнее время произошло в России, бежит на их ответственности и на ответственности их партий* (ОД). Стереотипна ироническая окраска статусного наименования *господа* в сочетании с количественно-указательным *все эти*. Сам по себе количественный указатель нейтрален, его собственная окраска зависит от разных стереотипов сочетаемости и социальных представлений. Ср. позитивную окраску *все* со словом *люди*: *Все они люди глубоко преданные народному делу* (ОД); <...> *а именно покойные Плеханов и Вера Засулич и несколько не похожий ни на Плеханова, ни на Засулич, также теперь покойный Туган-Барановский. Все эти люди питали к личности Ленина антипатию, граничившую с отвращением, несмотря на идеиную и партийную близость того времени* (ОД).

Диалогический характер дискурса в модусе обвинения очевиден уже в силу крайней оценочности изложения. Типичен и композиционно-речевой показатель диалогичности. Говорящий нередко сопоставляет утверждение с оппозиционным мнением условного «субъекта дискуссии». Такой риторический ход усиливает утверждение идеи всеобщей ответственности большевиков как про-

водников политики врага во время войны. В отрывке ниже корректирующее мнение условного оппонента имеет вид альтернативного утверждения (*есть провокаторы и есть не провокаторы*). Оно встроено ИС в ответную фразу согласия. Это формальное согласие завершается каскадом смысловых повторов-опровержений (их всего пять), а завершается категорической констатацией главного тезиса в необычной форме полемического двойного отрицания: *есть провокаторы и есть не провокаторы / нет не агентов*. Ср.:

Да, среди большевиков есть провокаторы и есть не провокаторы, но все они – бессознательные или сознательные агенты Вильгельма II! Все они, все без исключения творят его волю и немецкого Ген. Штаба.

<...> *Но во всяком случае несомненно, что все большевики – агенты Вильгельма II – сознательные или бессознательные. Все они, без исключения, делают его дело.*

Среди большевиков нет не агентов Вильгельма II! (ОД)

Контекст с количественным противопоставлением фиксирует неожиданное для политических эмигрантов из России положение на конференции в Лозанне, а именно – процесс изменения в стане европейской социал-демократии. Бывшие идеологические союзники отождествляются ИС с защитниками большевизма: <...> *теперь они [большевики. – Т. К.] оправдывались большинством представительских партий всего мира и гласно, под шумные аплодисменты, защищались лидерами различных социалистических партий, лишь при оппозиции меньшинства* (ОД).

Типичной для критики явилась обобщающая модель стилистически сниженного изложения, состоящая из событийного высказывания и саркастического комментария к нему: (1) *За Лениным и Троцким в Европе пошли Лонгэ и Каизны, Рендель и Ляфон, Макдональд и Гендерсон, Гильфердинг и Адлер. (2) Все они сделались знаменосцами дикой толпы и в то же время сознательно, по расчету сделались и ее послушными белыми рабами – лишь бы она была за них* (ОД).

Как видно, в событийном высказывании (1) обозначен мотив измены (тема публикации) и называются имена агентов этого политического действия. Парню увязанный перечислительный ряд лиц – субъектов предосудительного действия (*пошли за...*), носит стилистически сниженный характер (мл. ч. *Каизны*). Оценочный комментарий (2) содержит уничижительную характеристику всей совокупности лиц. Субъекту *все они* соответствует процессуальный предикат неодобрительного оттенка: не становиться, а *сделаться кем-л.* (ср.: *сделка* – 'соглашение, сговор'; неодобр. фразеол. *сделка с совестью* [сл. Ушакова]). Целевая обусловленность (*сознательно, по расчету сделались*) дополняется введением утилитарно-сниженной точкой зрения (*лишь бы толпа была за них*). Кроме того, вводятся образные формулы, лексически знакомые, но сниженные и удобные для использования читателем: *знаменосцы дикой толпы, ее послушные белые рабы*.

Особый случай в субъектно ориентированных контекстах с семантикой цели составляет использование показателей множества в позиции с творитель-

ным орудийным объектом⁵. Например: *В истории не было примера, чтобы какое-либо правительство для того чтобы победить своего соседа, систематически развивало у него всеми доступными способами всякого рода разрушительные и преступные политические течения, как это делала Германия по отношению к России и ее союзникам (НГ); Ленин и во время своей эмиграции всегда был циником и сознательно окружал себя мошенниками, ворами и провокаторами. Часто на большевистских съездах, им устраиваемых, делегаты наполовину состояли из провокаторов. Ленин шел к своим целям всеми средствами и всеми путями. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Ленин все время держался за Малиновского как агента департамента полиции в интересах развития большевизма в России (ОД).*

Наряду со стереотипным выражением «средства» в творительном орудийном используются образные описания – метафоры, эпитеты крайней степени оценки: *Нравственные критерии для него отсутствуют. Для достижения своих целей он готов пользоваться и пользуется всеми средствами, всякими изворотами, готов идти всякими закоулками, самыми гнусными (вспомним отношения этого максималиста с германской полицией, без которых вообще деятельность Ленина перед войной и во время войны не была бы мыслима) (ОД).*

В составе аффективного обращения к противнику выделяется орудийное сочетание «со всеми вашими + объект». Оно принимает стилистически сниженную окраску, чему способствуют уничижительные ряды имен собственных во множественном числе и противительный подтекст 'несмотря на все ваши потуги, усилия'. Ср.: *Но, все-таки, господа Мартовы и Натансоны, Черновы и Ланы, Лемнинские, а также Ленины, Зиновьевы, Троцкие, Рязановы, Каменевы, – мы вам со всеми вашими «Новыми Жизнями» и «Рабочими Путиями, и «Нашими Путиями», с «Советами Р. и С. Д., со всеми вашими высокими покровителями и попустителями – не дадим погубить Россию... Несмотря на все ваши усилия, Россия не погибнет! (ОД).*

Слово *все* в семантическом ряду «идеологические союзники». Модус желания и необходимости. Квантор *все* относится к спаянной по ведущему признаку совокупности лиц, которая именуется в текстах с выраженной адресацией как: 1) русские, 2) русские политические деятели, 3) союзники.

1. Совокупность *русские* с усилителем *все* (*все мы*) часто подразумевается в расширительном смысле, т.е. как 'русские за границей' и 'русские в России': *Пред всеми нами, русскими, огромное общее дело, и мы должны его разрешить общими усилиями (ОД); Теперь прошло время для каких-либо колебаний и выжиданий. Пред всеми нами стоит вопрос: или Колчак, или Ленин! (ОД). Часть контекстов подразумевает все же ограничительный смысл 'русские эмигранты' и 'единомышленники'. Например, тогда, когда идет речь о появлении Керенского в эмигрантских кругах Парижа: *Нам всем тогда хотелось верить, что Керенский решится посмотреть правде в глаза и не только расскажет нам, как он довел Россию до развала, но и удержит тех, кто впредь был бы способен повторить его ошибки (ОД); или тогда, когда речь идет о помощи**

России со стороны союзников: *И мы все поэтому страстно желали бы иметь право громко сказать, в ближайшем будущем, что наши союзники – наши союзники – и не на словах только, а на деле (ОД).*

В нью-йоркской «Народной газете» название русский больше сопряжено с понятием гражданства. С именем Россия ассоциировались наименования разных народов, но предпочитался термин *русские граждане* (подобно стереотипному термину «американские граждане»). Определитель «российские» не был столь актуален, как наименование титульной нации.

Рассмотрим фрагмент, который начинается сочетанием *вся Россия*, подразумевающим совокупную, а затем разделительную множественность, включающую квантор ограничительной семантики: *Вся Россия ликовала, когда самодержавие было свергнуто... Все, кроме незначительного числа зубров и бюрократов. Все народности, населяющие великую Россию, клялись в верности революции. Все готовы были защищать родину и революцию от внешних и внутренних врагов». Далее перечисляются имена народов с собирательным *все* и термом квалификации русские граждане: «Малороссы, армяне, татары, литвины, латыши, евреи – все гордились тем, что они русские граждане. Россия никогда еще не была так едина и могуча, так страшна – для немецких и австрийских башибузуков (НГ). Как видно, идея всеобщности связана не только с идеей позитивной множественности (разделительной и собирательной). Проводится исторически выстраданная мысль о важности единства множественного перед лицом многих врагов России (тюрк. *Башибузуки* напоминает русскому читателю о войнах с Турцией; по Ушакову: *башибузук* – «солдат иррегулярных частей турецкого войска», перен. 'разбойник').*

2. Совокупность *русские политические деятели* с квантором *все* связывается с необходимостью общей программы действий и единства в борьбе с большевиками: *Нас глубоко радует, что принцип Учредительного Собрания, как идеал, так решительно подчеркивается всеми. Это значит, что возвращение к старому режиму с одной стороны, и к большевикам с другой быть не может. <...> Но именно поэтому всем русским политическим деятелям и необходимо признать, что бывшее Учредительное собрание, избранное при совершенно недопустимых условиях, не является выражением народной воли, и доброй трети его членов – большевикам, левым революционерам и некоторым другим – место на скамье подсудимых! (ОД); У всех находящихся в России программа в настоящее время сводится к следующему: <...> (ОД); Представители всех государственных партий в России, принадлежащие к различным национальностям, должны в настоящее время стоять всецело на этой почве (ОД).*

В ситуации разлада в стане политэмигрантов, связанного с различными оценками альтернативного большевикам русского правительства в Омске, идеологи газеты «Общее дело» стремились убедить читателей в единстве и перспективности образованного правительства. Квантор *все* усиливает убежденность, демонстрируемую ИС газеты в этом отношении. Ср.: *Правительство объединяет всех русских, от социалистов до прогрессистов включительно.*

Не только министерские посты заняты в Омском правительстве прогрессивными и демократическими элементами, но и вообще все наиболее ответственные места заняты ими <...> (ОД); Все они люди глубоко преданные народному делу и доказали свою преданность делу повседневной упорной культурной и политической работой, годами тюрьмы и самыми тяжкими испытаниями. Все они идут рядом, и все с полным отрицанием относятся к той гражданской войне, которую развил год тому назад большевики (впрочем, не только одни большевики) с помощью немцев (ОД).

3. Совокупность все наши союзники, идентифицируемая в желаниях ИС, актуализирует идею эмигрантов видеть непротиворечивое единство блока антибольшевистских сил в борьбе за Россию. В критический момент такой борьбы в 1919 году политические эмигранты считали своим правом требовать от союзников координированных действий. Например: Такое же заявление все союзники теперь же обязаны сделать коллективно и в будущем провести это решение в жизнь без послаблений (ОД). В контексте противоречий между недавними единомышленниками актуален был не только вопрос координации, но и вопрос идентификации союзников: Перед всеми союзниками сегодня мы ставим вопрос: Кто вы? – Союзники наши или нет? (ОД). Идеология наши союзники не просто нуждается в речевом действии подтверждения, согласно ИС. В модусе желания сигнификативный смысл противопоставлен отождествительному. Ср.: <...> страстно желали бы иметь право громко сказать в ближайшем будущем, что наши союзники – наши союзники – и не на словах только, а на деле (ОД).

Аффективная сопряженность множественного и единичного

Положение дел в России оценивается с позиций ИС как моральное и правовое нарушение большевиками демократических ценностей и общечеловеческих норм. Отклонение от общепризнанного или общепринятого вызывает эффект неприятия (осуждения, негодования), порождая контрастный по структуре и обвинительный по модусу наклон оценочного изложения.

Семантический контраст кванторов множественности и единичности (все/один). Эксплицитированному модусу обвинения сопутствует аргументативный характер речи в составе речевых форм комментария или рассуждения. Под контрастом здесь имеется в виду логическая несообразность или парадоксальное несоответствие количественных показателей в пропозитивной структуре высказывания. В роли актантов выступают разнообразные имена субъектов политических действий (рабочие, интеллигенты; министр, теоретик марксизма, бунтарь; рабочий класс, гарнизон, вооруженная сила, власть) и отвлеченные идеологемы (политические свободы, преступление думать иначе, сознательная социалистическая величина, предпосылки демократии, равное избирательное право). Оба типа дескрипций взаимодействуют благодаря смысловому акценту на количественные множители. Рассмотрим явление квантификационно-контраста на материалах разной жанровой принадлежности.

Модус обвинения в событийном комментарии: Все свободы отменены ими, и каждый день китайские, латышские наемники расстреливают сотни

рабочих и интеллигентов, виновных в единственном преступлении – думать иначе, чем большевики (НГ). В морально-правовой оценке повторяющихся (обычных) событий ИС газета делает акцент на логической несообразности. Интерпретация вины жертв террора отражает в утрированном виде точку зрения большевиков. Основание террора имеет идеологически общий характер, что выражается ед. ч. дескрипции преступление думать иначе. Ср. также: Гарнизон – т.е. 200,000 местных штыков – назначает министерство, ибо ясно, что неугодного министерства он не потерпит. Единство власти будет зависеть от единства гарнизона. Вся остальная Россия будет «слушаться» (НГ). Контраст исчисляемой единичности (гарнизон – 200,000 местных штыков) и неисчисляемой совокупной множественности (вся остальная Россия) выражает циничную, с позиций ИС, расчетливость противника.

Модус обвинения в составе рецензии. Идеолог нью-йоркской ЭГ polemизирует с автором пропагандистской статьи о Ленине, уличая в логической несообразности сказанного им действительному положению вещей: Один из крупных «партийных божков», теоретик социализма, бунтарь эмигрантских кружков, долгие годы проживавший за границей, он был популярен лишь в среде маленькой горстки русских людей и об его существовании меньше всего подозревал многомиллионный русский народ, ибо и весь-то рабочий класс как сознательная социалистическая величина, по сравнению с многомиллионной массой темного и малосознательного народа был и есть только «горсть» народа (НГ).

Пolemическая аргументация строится на контрасте количественного несоответствия. Контрастируют: а) наименование с емой единичности (один, он; божок, теоретик, бунтарь; маленькая горстка людей) и наименования с семантикой «нерасчлененная совокупность» (многомиллионный русский народ); б) совокупности, несопоставимые по объему и поэтому не годные для отождествления, предпринятого писателем (весь рабочий класс, «горсть» народа) / многомиллионная масса народа).

Модус обвинения в статье. Изложение фактов как аргументов обвинения оформляется чередой противоположений с акцентом на кванторы все – один. В одиночных действиях противника отмсчается не только противоречие общественному мнению, но упорное сознательное противодействие: Связь Малиновского с жандармами особенно не могла не стать ясной для Ленина и для других большевиков, когда Малиновскому пришлось уйти со скандалом из Государственной Думы и когда о его провокаторстве говорили все, Ленин тем не менее и тогда продолжал сознательно прикрывать Малиновского как нужного ему человека, и писал о нем как о лучшем большевистском деятеле; <...> когда было для всех очевидно <...> Ленин повел тогда в защиту Малиновского страстную кампанию в печати против всех его обвинителей.

Семантическое сближение кванторов множественности и единичности (все – один). Понятие сближить имеет пространственный аспект значения «поместить на близкое расстояние друг к другу», и его можно отнести к речевым приемам субъекта-оператора. Иной смысл сопровождает понятие

сблизиться в значении 'устранить резкие различия между чем-л.', 'найти сходство между чем-л.' (МАС). По контекстам этот аспект политический: он относится к идее согласия или, что актуально для ИС газеты, – к желаемому единству союзников (субъектов пропозиции). Выбирая термин *сблизение*, мы имеем в виду оба аспекта (коммуникативный и пропозиционный) в их операциональной расчлененности.

Оба аспекта связаны с модусом желания и коммуникативным расчетом и сознании ИС убедить читателя-союзника ЭГ_{инт.}. В модализованном дискурсе проводится мысль о необходимости сближения и единства при многих различиях. Политические субъекты, каковыми являются в представлении говорящего народы, племена, партии, демократические элементы, рабочие, крестьяне, дворяне и др., интерпретируются ИС как потенциальные или реальные союзники в положении кризиса. Идея проводится с опорой на смысловое и внутрифразовое сближение кванторов *все* и *один* (варианты: *единый, единственно, объединение*). Ср.: *...они выбрали бы единственно пригодный для этого путь – путь объединения всей живой России, всех демократических элементов народа и общества под одним лозунгом: спасение родины и революция, освобождение России от иноземного ига (ИГ); Генерал Деникин нас учил, что нет ни крестьян, ни дворян, ни рабочих, а есть один русский народ. Пусть же Русь объединит все народы, все сословия, и будет единая могучая великая Россия! (ОД); Единая демократическая Россия – еще не факт, но уже не миф. Она – залог замещения и свободного симбиоза и сотрудничества всех народов и племен, населяющих огромную территорию бывшей российской империи (ОД).*

Идеологическое единство раздельного множества выражается в высказывании прямо или косвенно (показателями признаковой семантики): *Они [союзники. – Т.К.] идут, – и всероссийское дело связывается с делом всемирно-историческим (ОД).*

Сближением множественного и единичного отличается формула *союз всех* (сравните: *все как один*). Для усиления мысли о единственной возможности достигнуть желанной цели формула *союз всех* сопровождается выделительно-ограничительной частицей *только*. Исключается условие достигнуть желаемого ограниченными союзами партий. Введенный постулат дублируется, пропагандистская речь напоминает категоричностью, энергичными повторами, оценочными контрастами речь агитационную. Ср.:

Только союз всех государственных партий, начиная с левых, кончая умеренными, может спасти Россию

Только этот союз сможет покончить с большевиками и начать в настоящее время обновление России, а в будущем вывести ее на путь свободного развития. Это аксиома. Выполнить настоящую задачу одним левым или одним умеренным партиям – не по силам.

Представители всех государственных партий в России, принадлежащие к различным национальностям, должны в настоящее время стоять всецело на этой почве.

Если же союз всех этих государственных партий не будет создан, то нашей родине предстоят впереди все новые и новые несчастья от все развивающейся и развивающейся анархии в стране (ОД).

Итак, семантическим сближением кванторов множественности и единичности характеризуются контексты с идеей спасения России.

Логическое обобщение и прием генерализации: квантор *все*

Выражения с квантором *все* передают высокую степень всеобщности. Существительное *все* в позиции актанта означает 'то, что есть целиком, без исключения', а в качестве сказуемого 'обозначает исключительную важность, значение предмета, понятия и пр.' [сл. Ушакова]. В эмигрантском дискурсе к выражениям высокой степени обобщения относятся кванторные сочетания *все это* и *все, что* (с придаточным).

Обобщение – это логическая операция, форма приращения знания, посредством которой получают понятия широкого объема⁶. Обобщение в ЭГ – одно из важнейших средств интерпретации (субъективного знания), позволяющее ИС извлекать суть из хаоса затемняющих ее явлений, унифицировать и в «единой формуле» отождествлять множества различных вещей и событий.

Стереотипной формулой обобщения является выражение *все это* при перечислении. В эмигрантском дискурсе это распространенное средство констатации и выведения оценочного суждения. Ниже оно используется для уведомления и обоснования оценки возможности. Ср.: *Мы получали ряд новых ужасающих известий и документов о деятельности большевиков за время их господства в России. Читатели «Общего Дела» все это прочтут в ближайшее время; Программа Колчака, его имя, его прошлая деятельность являются для нас порукой того, что с его стороны нам нечего ждать какого-либо возврата к прошлому. Все это позволяет нам горячо приветствовать Колчака и во имя спасения гибнущей родины звать все политические партии признать его правительство и оказать ему всяческую поддержку (ОД); Большевики догнали. Они и сами не сомневаются в своей близкой гибели. Ленин, Луначарский, Каменев с их лакеями теперь жаждут идти на переговоры с кем угодно, лишь бы только где-нибудь найти новых себе союзников <...>. Все это еще может продлить агонию большевизма, но не может его спасти (ОД).*

Однако не эта логически уравновешенная форма обобщения является показательной для аффективного дискурса. ЭГ_{инт.} Определяющим стереотипом выражения идеи всеобщности выступает здесь актант *все* или аналогичный ему оборот *все, что* с придаточным дополнением. Ср. в описании Москвы [/ – знак абзаца]: *А в пустых магазинах через незапертые двери и окна видны рогожи, доски, мусор – словом, всё, что говорит о запустении, об отъезде куда-то, о какой-то убыли, потере людей, словно всё провалялось к черту, вся жизнь стала хламом, мусором прошлого. / Жутко слушать эту каменную повесть о предсмертной муке. / Жутко смотреть на эти каменные дома, где всё говорит о гибели и смерти. / Как выбитые глаза, зияют пустыми владениями темные окна без рам. / Как сложенные кости, беспомощно висят железные стро-*

пила и скрепы. / Стучат и гремят на ветру ключья почерневшей крыши, и железные листы ее балтаются в воздухе, как перебитые крылья подстреленной птицы. / Всё здесь умерло, и всё окутано черным трауром пожарника. / Но до сих пор эти обгорелые камни вопиют к нам: Граждане русские! Когда вы пойдёте на великий собор Русской земли, расскажите всё, что вы видели! (НГ)

Мы имеем дело с так называемыми генерализованными высказываниями. Термин входит в инструментарий практической психологии, точнее нейро-лингвистического программирования (НЛП)⁷, где выражения с квантором всеобщности изучались в целях снижения значимости отрицательного опыта человека.

Практическая психология обращает внимание на те свойства языковой системы, которые чаще всего искажают восприятие. Высказывание с квантором всеобщности всегда можно поставить под сомнение с точки зрения собственно логического значения, поскольку генерализованные высказывания, как правило, относятся к негативному опыту человека и представляют собой не фактическое знание, а интерпретацию его эмоций, впечатлений о действительности. Например, высказывание из НГ «она [рабочая интеллигенция. – Т.К.] должна помнить, что всё, что творится теперь, – творится от ее имени; к ней, к ее разуму и совести история предъявит свой суровый приговор» вполне верифицируемо, поскольку отражает реальный опыт субъекта. Однако следующее высказывание представляет собой результат субъективного вывода и отражает катастрофическое восприятие событий в России: «То, что есть отвлеченное начало в марксовской доктрине классовой борьбы, злоба, то было всегда отличной чертой или стихией Ленина как личности. И, в конце концов, именно эта индивидуально-психологическая черта Ленина объясняет его глубоко равнодушное к вопросу о выборе средств в осуществлении своих целей» (П. Струве, ОД).

НЛП рассматривает язык и речь как важнейшие источники информации о психическом состоянии человека (постулат об иконичности и изоморфности языка, с одной стороны, и психических и мыслительных процессов, с другой стороны). Искажение опыта, его неправильная интерпретация может быть связана с опущением, элиминацией или, наоборот, с необоснованным «доукрашиванием», «обогащением» представлений о реальности. Типичный источник искажения такого типа – неправомерная генерализация (от лат. generalis – общий, главный), обобщение. Например, в естественном языке выражения типа *Всегда Р* интерпретируются либо в «ослабленном» кванторном смысле «обычно Р / Чаще всего Р / Как правило Р», либо в «сильном» логическом смысле (нечто вроде «для любого момента времени из выбранного временного интервала имеет место Р»)⁸. Для НЛП важно, что любое утверждение человека имеет смысл только в рамках его собственной модели мира. Непонимание этого является еще одним источником заблуждений, ограничивающим поле выбора альтернатив при принятии решений в проблемных ситуациях. В этих случаях полезно эксплицировать глубинный перформатив, который, согласно перформативному анализу, представлен в глубинной структуре любого речевого акта. Преобразование высказывания в форму с эксплицитным перформативом *Я утверждаю, что...* сразу уменьшает сферу применимости утверждения, ограничивая ее мо-

делью мира самого говорящего. Фактически это эквивалентно снятию неправомерной генерализации.

Продолжим наши наблюдения. Рассмотрим генерализованные высказывания с точки зрения определенности-неопределенности выражений с квантором *всё*. По мере повышения степени обобщения должна возрастать и неопределенность (отвлеченность от конкретного, от деталей, частных подробностей). Но как тогда понимается существительное *всё*? Не будет ли такой прием обобщения чистой риторикой, выгодам которой уступил акт референции?

Часть исследуемого материала при очевидной обобщенности сохраняет тесную связь с референцией. Это выражается в ограничителях времени (*сейчас, теперь, за последнее время*) и событийном характере сказуемых в составе придаточного дополнительного при формуле *всё, что*: (1) Власть *покушается на всё, что было завоевано народам в революции, что нужно ему сейчас как воздух.* У рабочих *отнимают их кровное право свободы собраний, их оставляют беззащитными* (НГ); (2) она [рабочая интеллигенция. – Т.К.] *должна помнить, что всё, что творится теперь – творится от ее имени; к ней, к ее разуму и совести история предъявит свой суровый приговор* (НГ); (3) Свое дело они делают сознательно, с открытыми глазами. *Всё, что за последнее время произошло в России, лежит на их ответственности и на ответственности их партий;* (4) *Всё, что в них говорится о злодеяниях Московской Чрезвычайной Комиссии, великолепно известно и Ленину, и Троцкому, и Нахамкесу;* (5) И когда прусские и австрийские юнкера *наслушались декламаций Троцкого, они решили, что Россия готова. *Всё, что большевики в состоянии были сделать для них, они великолепно сделали** (НГ).

Роль квантора *всё* – обозначать совокупное множество целиком, без исключения. Контекст показывает, что отождествительный смысл совокупности зависит от референциального объема предиката в составе придаточного. Ср.: широкое по семантике (1) *всё, что было завоевано народам в революции* и локализованное по времени (2) *всё, что творится теперь*. Кроме того, есть уточняющие ограничители: (4) *всё, что в них говорится о злодеяниях Московской Чрезвычайной Комиссии*.

Есть контексты вполне конкретные по референтивной обобщенности с формулой *всё, что*. Они напоминают информационное сообщение. Ср.: *Союзники *услышали от русских всё, что они имели сказать, и они знают теперь, в чем нуждаются русские; Необходимо немедленно снабдить русские армии, борющиеся с большевиками, всем, что им надо: провиантом, одеждой, вооружением. До сих пор союзники почти ничего не сделали* (ОД).*

Высокой степенью генерализации отличаются высказывания с одиночным *всё* в качестве обобщающего слова при перечислении. Хотя перечисляемое должно, казалось бы, ограничивать объем совокупной множественности, здесь в ряде случаев наблюдается приоритет риторичности перед точностью: (1) Прежде всего *следует отметить, по поводу этой ноты, ничиную готовность большевиков *отдать иностранцам всё – и концесии, и русские территории** – только бы они, эти иностранцы, оставили им возможность довести свое дело

до конца; (2) Как и следовало ожидать, всё внутри России дезорганизовано. Коммунизм осуществляется в виде хищной системы завожничества и многочисленных казней. Декреты имеют в виду оборвать и обречь на голод буржуазно и всё распределить между рабочими; (3) Наше народное искусство, наша родная страна, наши бесценные памятники и наши древние храмы – всё было брошено под ноги новых завоевателей, и над всем безраздельно царил самодержавная ширинель! (НГ). Можно заметить, что образные преувеличения и эмоциональность в (3) идут в ущерб логике и смыслу: перечислительный ряд актантов в составе обобщения (народное искусство – родная страна – бесценные памятники) плохо сочетается по объему понятий и количественному критерию, а также не соответствует характеру предиката.

Аффективность понижает контролируемость речевого потока. Отсюда логическая несогласованность риторического образа и смысловой формы выражения. Ср.: Эта новая громадная чиновничья саранча губит всё, за что ни возьмется. Она совершенно бессильна при разрешении какого-нибудь вопроса. Нелогичным кажется соответствие одновременно двух противоположных ролей одному актанту в составе пропозициональной ситуации: преувеличенно активной роли (губит всё) и преувеличенно пассивной роли (совершенно бессильна).

Высокая степень обобщения сопутствует абстрагированным дескрипциям и высказываниям. В глубинной структуре таких высказываний для автора референтные индексы есть⁹, но они с трудом могут быть верифицированы читателем. Например: В ужасной истории большевизма, – этого массового пагачества во имя коммунизма, – всё связано и всё последовательно. И потому ответственности до последней степени ясны. Генерализованное высказывание служит основанием вывода, категоричность которого доведена до крайности: и потому все ответственности до последней степени ясны.

Высокий стиль риторического обобщения свойственен контекстам, одушевленными идеей спасения России. Зависимость дискурса от имманентно присутствующей субъекту динамики страстей проявляется здесь в сочетаниях одновременно позитивной и негативной окраски, в объединяющих обращениях к единомышленникам и во всех видах кванторных форм, служащих обобщению. В самом деле, «интенсивность выражается в “горячности”, чувство становится предрасположенностью к служению или деланию чего-либо... субъект “посвящает” и даже приносит себя “в жертву” объекту» (Греймас, Фонтанний 2007: 211). Ср.: <...> для блага и свободы революционной России готовы отдать всё, что дорого человеку (НГ); Мы обращаемся к ним, прежде всего, с нашим горячим приветом и самыми горячими пожеланиями успехов в их борьбе. Мы будем всех звать идти к ним навстречу и сами сделаем для них всё, что будет в наших силах (ОД); «Мы будем приветствовать в их деятельности всё, что будет служить делу спасения родины, и в то же самое время мы будем возражать им, когда в их деятельности мы увидим ошибки (ОД); Россия для нас – не пустой звук. Россия – наша родина! России мы отдадим всё! Россия лежит сейчас бедная, раздавленная, поруганная... И должны же мы ей помочь, должна же Россия стать великой, должна же Россия воскреснуть! И именно в пе-

режитых ужасах мы будем черпать силы, и не уйдем от овра большой родины! Всё для тебя, Россия! Мы с тобой, Россия (НГ).

Все высказывания, как можно заметить, расположены в аспекте будущего, относятся к модусам желания и необходимости, выражают готовность. Охваченный страстью субъект идентифицирует себя с «ценностным объектом» (не уйдем от овра большой родины, все для тебя, мы с тобой). Страсть к спасению родины выступает как страсть коллективизирующая, что соответствует национальной традиции русских. Можно сказать, что с ее помощью определяется «идентичность группы» за рубежом и в России.

Несколько замечаний об усилителях генерализации. Как видно, прием обобщения, или генерализации, используется в страстном дискурсе по преимуществу в целях воздействия. Однако на фоне стереотипного аффективного изложения говорящему ИС требуется все больше интенсификаторов для воздействия на читателя в нужный момент. Утверждения сопровождаются категоричностью и навязчивыми повторами, скоплением и градацией кванторов оценочного обобщения.

В этом отношении показательно сочетание квантора все (всё, всюду) с наречием решиительно. Значение оценочного слова, от которого образовалось наречие, соответствовало мятежному духу своего времени. Ср.: решиительный “смелый, не останавливающийся в действиях перед трудностями; не знающий колебаний в осуществлении принятых решений” [по Ушакову]. В аффективном дискурсе эпитет решиительный выступает как усилитель со значением ‘окончательный, определяющий последующее, самый важный’. Ср.: Это есть наш последний и решиительный бой (Интернационал).

Наречие решиительно, употребленное перед сказуемым, фиксируется словарем с давних пор (Баратынский, Толстой, Чехов, Лесков). Оно употребляется в разговорном значении ‘окончательно, без сомнения’ (Нет, я решиительно развинулся, – Чехов); как усилитель при отрицании в значении ‘совсем’ (Решиительно печальных строк моих не хочешь ты ответом удостоить, – Баратынский. Решиительно ничего не могу вам посоветовать, – Лесков).

В аффективном обвинительном дискурсе ЭГ_{инт} наречие решиительно используется как дополнительный интенсификатор при обобщении с кванторными словами всё, все, всюду. Такое сочетание слов доводит идею всеобщего до крайней степени категоричности. Ср.: ...в первом (и единственном) номере «нашего Общего Дела» (25 окт.), появившемся в день большевистского переворота, я обратился решиительно ко всем русским гражданам, без различия партий, любящим свою родину: Граждане! Спасайте Россию! (ОД); За последний год, где я только ни был – в России или за границей, я решиительно всюду и решиительно от всех, наряду с вопросом «Где Азеф?», неизменно слышу вопросы: Ленин и Троцкий – немецкие агенты? Они – предатели? (ОД); От большевиков можно ожидать решиительно всего!... Проклятие, проклятие вам большевики! (ОД); Мы обязаны сделать решиительно всё, чтобы наши союзники возможно скорее признали правительством Колчака и вместе с ним объявили решиительную борьбу большевикам (ОД).

Особой концентрации идея всеобщности достигает в контекстах, построенных повтором в форме триады. Причем, используется полный состав местоимений по родовому признаку (*весь, вся, всё*), образуется скопление кванторов одной природы, возникает градация. Например: *Немцы предали большевикам весь мир, всю науку, всё человечество. Систематически они сеяли семена большевизма и отправляли ими общественную жизнь всюду; "В общем, террор и анархия повсюду, а голод такой, что грозит катастрофой". Такого же, приблизительно, положение во всей России, где весь аппарат общественной организации больше не действует, где вся система путей сообщения дезорганизована, где вся жизнь как будто притаилась, где нигде больше нет личной безопасности; Этими-то подонками человечества и переполнены все совдеты. От них-то и зависят все грабежи, разбои, все жестокости; Нам, находящимся так далеко от нее, трудно себе представить весь ужас этого положения во всем его конкретном, действительном его проявлении, во всем поражающем трагизме (НГ).*

Очевидна стереотипизация средств интенсивности в ЭГ_{инт}. Используются разнообразные оценочные ресурсы языка, но самыми ходовыми из дескрипций стали отвлеченные наименования крайней степени оценки состояния, чувства, явления в сочетании с кванторами полноты и всеобщности. Несколько таких выражений для примера: *всей своей мученной душой я кричу вам; весь ужас и вся морозная низость того движения, которое известно под именем большевизма; нынешний большевизм со всеми его ужасами и авантюрами; остаются далеко позади себя все ужасы инквизиции и варизма.*

В заключение можно отметить следующее:

1) страстная напряженность, интенсивность эмигрантского дискурса не что иное, как смысловой эффект количественных вариаций в актантной и модальной структуре пропозиции. Они выражаются в разнообразной форме и по своему эффекту близки к понятию чрезмерности. Кванторные слова действуют и пропагандистском дискурсе как резонаторы, создающие болезненную аффектацию речи, связанную с модусами обвинения и желания (необходимости);

2) в функциональном отношении наблюдается многоплановый, «сгущенный» режим действия слов *все* и *всё*: просматриваются одновременно реализуемые функции идентификации, обобщения, интенсификации. При этом выявляются семантические величины, поддающиеся обобщению внутри данной культуры и характеризующие семантику слова как факт культурный. Это касается смысловых эффектов и сопутствующих им значений, связанных со словом «большевизм».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. декреты, постановления, декларации, обращения, радиogramмы в кн.: Декреты... 1977.

² Те же стереотипы адресации перформативной природы нашли отражение в фельетоне А. Аверченко «Вся власть – мне», где концовка содержит формулу-пародию «*Всем – всё!*». Фельетон имел успех и, по слухам, расемшил В. Ленина меткостью комического изображе-

ния. Ср.: «<...> Слова я стукнул кулаком по столу. Так будет же по-моему! Товарищи пролетарии! Объединяйтесь под знаменем: *Вся власть Аркадию Аверченко!*» На наш век пролетариев хватит. <...> Итак, идите все на улицу и носите на улице писателю торбу, на которой должны быть начертаны великие слова: «*Вся власть Аркадию Аверченко!*», «*Долой контрреволюционеров – всех этих буржуев, – Каледина, Керенского, Троцкого, Ленина и других, продавшихся капиталу!*» <...> Моим преемником во власти оказался какой-то Федька Кныш <...>, кривичик калашниковской пристани. Краткий лозунг был у Федьки, а крепкий, черт его побери! Вот этот лозунг: «*Шантрапа! – писал грубый невоспитанный Федька. – Делай, что хошь! На шаран! Мой приказ: Всем – всё!*» (НГ).

³ Несколько пояснений к используемым терминам. *Аффективный*, то есть повышено эмоциональный, способ выражения может быть противопоставлен *аффектированному* способу, то есть нарочито преувеличенному, подчеркнутому и искусственному. В этом смысле *аффектация* понимается как искусственная приподнятость и возбужденность, преувеличенное и подчеркнутое выражение какого-либо чувства, настроения (Словарь русского языка: в 4-х т., 1981 / Под ред. А.П.Евгеньевой, 2-е изд., испр. Т. 1. С. 52).

⁴ *Модусы* понимаются как состояние сознания субъекта пропозициональной установки; как формы существования (способы рассмотрения) положения дел (объектов); как способы взаимодействия субъекта с объектом (см.: Рассел Б. 1999, Арутюнова Н.Д. 1988, Зеленцов А.В. 1997; Краснова Т.И. 2002).

⁵ Мотив «средство достижения» цели – один из самых актуальных в дискурсе эпохи кризиса. По нашим наблюдениям, он охватывает большой круг ситуативной и лексико-грамматической семантики. И каждый раз кванторное слово оказывается заметной особенностью аффективного самовыражения в составе как авторской, так и чужой речи.

⁶ Обобщением называется «мысленное выделение каких-нибудь свойств, принадлежащих классу предметов и формулирование такого вывода, который распространяется на каждый отдельный предмет данного класса» (Кондаков 1975: 395. См. также: Сачков 1973: 321-446).

⁷ Нейролингвистическое программирование (НЛП) – направление в теоретической и практической психологии. Очевидна связь положений НЛП с языком и знаниями об особенностях функционирования языковой системы. Исследуя репрезентативные системы человека, коммуникатор (психотерапевт) должен обращать внимание на языковое поведение. При этом используются сведения из грамматической теории, теории речевого воздействия и прагматической лингвистики, построенные под цели психотерапевтической практики. Определенное влияние имели также идеи «общей семантики». В основе методик НЛП лежит предположение, что язык – как многие формы социального опыта – выступает в качестве фильтра, который искажает опыт или, по крайней мере, структурирует его. Эксклюзивное выявление внесимых в речь искажений составляет значительную часть психотерапевтической процедуры. Основная часть трудов основателей НЛП переведена, издана в России и внедряется в практическую психологию. (См.: О'Коннор, Сеймор 1998, Бойл 2000; Дилте 2000; Бэндлер, Гринджер 1996).

⁸ <http://slovari.yandex.ru/dict/krugosvet>

⁹ Важнейшим следствием постулата об иконичности языка и речи является принцип психологического разграничения поверхностной и глубинной структур высказывания. Если поверхностная информация сообщает нам нечто о реальности, то глубинная информация представляет собой ограничение неопределенности этого сообщения. В глубинной структуре, по Хинтиikka, референтные индексы всегда есть. Генерируя это противопоставление в духе трансформационализма (иногда в смысле порождающей грамматики, а иногда в смысле порождающей семантики), представители НЛП приписывают поверхностной структуре функцию отражения сознания, а глубинной – подсознания. (Грейвис, Фонтаный 2007).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арутюнова Н.Д., 1988, *От редактора*, Логический анализ языка. Знание и мнение: Сб. науч. тр. Москва.
- Арутюнова Н.Д., 2005, *Проблема числа*, Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка отв. ред. Н.Д.Арутюнова. Москва.
- Бойли Р., 2000, НПП-консультирование. Москва.
- Бэндлер Р., Гриндлер Д., 1996, *Структура магии*. Санкт-Петербург.
- Грейнис А.-Ж., Фонтаний Ж., 2007, *Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души*. Москва.
- Декреты Великого Октября: книга-альбом, 1977, Авторы-составители: Ю.А. Акашкин, М.П. Ирошников. Ленинград.
- Дилте Р., 2000, *Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НПП*. Санкт-Петербург.
- Зеленщиков А.В., 1977, *Пропозиция и модальность*. Санкт-Петербург.
- Кондаков Н.И., 1975, *Логический словарь-справочник*. Изд. 2. Москва.
- Краснова Т.И., 2002, *Субъективность – Модальность (материалы активной грамматики)*. Санкт-Петербург.
- О'Коннор Дж., Сеймор Дж., 1998, *Введение в нейролингвистическое программирование*, изд. 2. Челябинск.
- Падучева Е.В., 1989, *Идея всеобщности в логике и естественном языке*, ВЯ, № 2.
- Падучева Е.В., 2001, *Высказывание и его соотносительность с действительностью*. Москва.
- Рассел Б., 1999, *Исследование значения и истины*. Москва.
- Сачков Ю.В., 1973, *Процессы обобщения в синтезе знаний, Синтез современного научного знания*. Москва.
- Энциклопедический словарь-справочник «Выразительные средства русского языка и речевые ослепки и недочеты», 2005, Под ред. А.П. Сковородникова. Москва.

The article is devoted to the semantic problems of study of reference and social valuation functions of quantity words in ant bolshevism newspapers (1918-1919).

Т.Б.Карпова
Пермь

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ¹

В языке интернета массовым явлением становится активное словотворчество, в том числе окказиональное. Возникающие новые слова, действительно, далеко не всегда становятся общеупотребительными, а чаще так и остаются словами-«однодневками», возникшими «по случаям», т.е. авторскими, индивидуальными неологизмами – окказионализмами. Но так ли уж случайны эти «случайные слова»? Как они появляются, что несут в себе? Тем более здесь, в сети интернет, где они просто не могут не появляться, поскольку интернет (для носителей русского языка – рунет) – самый свободолобивый и демократичный канал общения, зона повышенной эмоциональной насыщенности, которая стимулирует языковую личность реализовывать себя разными способами, в том числе посредством игры словами. Человек в рунете – действительно личность играющая, экспериментирующая, креативная.

Приведем простую иллюстрацию сказанному. Возьмем самое обычное слово, например *слон*, и посмотрим, как оно используется в рунете. Оказывается, что в прямом своем значении (*крутое травоядное млекопитающее с длинным хоботом и двумя бивнями, обитающее в тропической Африке и Азии*) практически не употребляется. В сознании русской языковой личности актуален только сказочный образ слона из детских мультфильмов. Вот и вызывают доверие посетителя и покупателя возникающие на основе такого милого образа наименования предметов потребления и заведений, в которые входит *слон* в сочетании с неожиданным для этого слова «цветовым» прилагательным: *белый* (ресторан тайской кухни), *зеленый*, *голубой* (название песни), *желтый* (мебельный магазин), *золотой* (ресторан тбилисской кухни, название приза), *розовый* (туристическая фирма, название песни), *серебряный* (клуб), *синий* (дизайн-студия, сорт чая), *черный* (туристическая компания). Однако русские творцы названий на этом не остановились: *сытый* (марка мясных и рыбных полуфабрикатов), *глиняный* (название песни), *полярный* (объединение режиссеров массовых праздников), *еловый* (дизайн-студия), *полосатый* (студия графического дизайна), *ночной* (арт-салон), *небесный* (название сказки), *водяной* (магазин насосов), *летающий*, а также *сморщенный в консервной банке*, *морской* и даже *зеленовый*. Все эти эпитеты семантически несовместимы со значением *слон*-животное, зато совместимы с образом игрушечного слона. Кроме таких наименований, зафиксированных в поисковых системах рунета, в неформальном письменном общении, например в форумах и чатах, часто употребляются производные слова *слон*: *слонище*, *слоник*, *слонятина*, *слонопотам*, *слонопотамша*, *слонопотамчик*, *слонопотамский*, *слонопотамщина*. Вот как выглядят такие образования в контексте: *Наверное, мне нужно есть как слонище, чтобы сотрудницы заметили, что я все-таки ем; Это был печальный слоник; Спасибо огромное – доволен, аки слонище розовый; Россия – родина слонотамов; Честное слово, даже скушно переводить все это на сегодняшний сло-*